

Корону отдал, но Россию не спас

БЫЛОЕ И ДУМЫ

90 лет назад, 15 марта (2-го по старому стилю) 1917 года, император Николай Романов отрекся от престола. В Ярославле новость, как и повсюду в России, была принята на ура. Народ вышел на улицы и площади. Про обстановку в госдуме газеты сообщали так: «Восторг не поддается описанию». То было начало Февральской революции. Под лозунгами «Хлеба!», «Мира!», «Земли!», «Долой самодержавие!» встала измученная военной разрухой огромная голодная страна.

Из Коровников выпустили политзаключенных, амнистию получило и отпетое ворье. Как пыль на ветру, поднялось дно общества. Новым хозяином жизни стал «человек с ружьем». Мораль его была проста и жестока: нет царя и закона — есть сила. Чем грозит опасное перерождение человеческой природы, видели и Короленко, и Бунин, и Горький.

Короленко уже в 1918 году писал Луначарскому о первых расстрелах без суда и следствия. По благодатным задаткам и совестливости русский народ заслуживает любви и уважения, но, по мысли Короленко, жестокость революционных властей там, где нравы, как в России, нетверды и расхристанны, грозит большими бедами.

Ответа Владимир Галактионович не дождался, его пророческие письма на три четверти века убрали на самые дальние полки спецхранов. Не был услышан и Горький. Он своими опубликованными в газетах «Несвоевременными мыслями» напрямую призывал революцию к отрезвлению.

Тему «90 лет без царя» мы предложили прокомментировать в заочной полемике экспертам с разными точками зрения.

СМУТА И БОЛЬШЕВИКИ

Доцент кафедры экономической теории госуниверситета Владимир Корнилов откликнулся на нашу просьбу обстоятельной аналитической запиской и устными дополнениями к ней: объяснил логику своих размышлений.

Крайние левые, напомнил гость редакции, почти не влияли на обстановку всеобщего недовольства политикой ца-

ря, их лидеры были в то время или в эмиграции, или в ссылке. В хронологии событий начала того рокового года гость редакции выделил день 25 февраля. Рабочие Петрограда объявили всеобщую политическую забастовку, их основным лозунгом было: «Долой самодержавие!».

Государь обязывает командующего округом прекратить беспорядки, но было уже поздно. На сторону забастовщиков начали переходить воинские части столичного гарнизона. Госдума заявляет о создании «Временного комитета» для руководства революцией, тогда же был создан Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Возникли предпосылки двоевластия, ставшего, по словам нашего собеседника, одной из причин «окончательной социально-экономической разрухи в стране, переросшей к октябрю 1917 года в политическую катастрофу». Государство разваливалось у всех на глазах.

Обе власти были еще едины во взглядах на отречение царя — отречение, но с сохранением монархии. Ими был разработан текст манифеста, в нем говорилось, что Николай отрекается от престола в пользу своего брата Михаила.

— Но тот малодушничает, — не сдержал эмоций комментатор. — Михаил побоялся, что вместе с короной народ снимет с него и голову.

Какие уроки на день сегодняшний дают те события? Наш эксперт думает об этом вот что:

— Чтобы ситуация не выходила из-под контроля, следует тем, кто во власти и кто вне ее, уметь договариваться. Ибо государство подобно лодке. Если неумеренно ее

раскачивать, она опрокидывается и накрывает всех.

Не поздоровилось от бывшего лидера ярославских коммунистов и нынешнему руководству КПРФ — дескать, тоже вовсю раскачивают лодку. Вместо обличительных речей в адрес Кремля он рекомендует ему заняться выявлением союзников — «политиков, стоящих на позициях державности, социальной справедливости и сохранения духовно-культурных ценностей народов России».

Владимир Корнилов выносит окончательное резюме: обоюдное нежелание или неумение правящей элиты и оппозиции пойти друг другу навстречу ведет к очередной смуте. По крайней мере, по его убеждению, именно в этом и состоит главный урок событий 90-летней давности для наших дней. Заслуга большевиков во главе с Лениным, по Корнилову, как раз и заключается в преодолении смуты, восстановлении российского государства.

И ПРИШЕЛ «ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ»

Второй участник нашей полемики, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории ЯрГУ имени П. Г. Демидова профессор Владимир Федюк, когда мы попросили его уточнить, в какой мере большевиков весной 1917 года можно считать миротворцами, сразу сказал: они пришли и смуту усугубили, даже провоцировали ее в своих интересах, по принципу «чем хуже, тем лучше». Положили смуте конец тышком и прикладом только лет через семь, после гражданской войны. Цена того «умиротворения» известна — тысячи и тысячи погубленных жизней.

Свое отношение к личности последнего российского государя Владимир Павлович называет «довольно стереотипным»: Николай II, как он думает, «человек добрый, честный, слабый, не слишком пригодный для роли государя». Само событие — отречение его от престола — профессор дополнял такими подробностями.

В 1917 году Россия еще воевала с Германией и Австрией,

и не очень-то успешно. Год пятнадцатый, например, был сплошной чередой поражений русской армии. Роковое решение император принял после того, как посчитал необходимым запросить командующих фронтами и прежде всего начальника штаба генерала Михаила Алексеева. Пожертвовал короной, чтобы Россия могла продолжать войну и, значит, выжить.

Сперва, напомнил Федюк, царь отрекся от престола в пользу единственного сына — царевича Алексея. Затем перешагнув часа на два, и ожидавшие его окончательного слова думцы Гучков и Шульгин услышали от государя, что большая политика, возможно, разлучит его с любимым сыном, а он к этому не готов и потому отрекается в пользу брата Михаила.

Тот собрал думских политиков, выслушал всех присутствующих и сообщил, что тоже

не готов принять корону. Вопрос был отложен до созыва Учредительного собрания, когда сам русский народ должен был сказать — быть России монархией или республикой. С марта по сентябрь страна пребывала в подвешенном состоянии, с непонятно какой формой правления. Чтобы умиротворить большевиков и других крайних левых, глава Временного правительства Керенский, ни с кем не советуясь, объявил Россию республикой. Но через два месяца большевики захватили власть — с известными всем трагическими последствиями для страны.

А вот прямых сегодняшних аналогий с теми событиями наш полемист не усматривает, добавил при этом — «К счастью».

— Не хочу быть по отношению к власти мелким лыстцом, — сказал он. — Но вижу, что у людей появилось ощущение стабильности жизни.

ПРИНЦ ЗЛА НЕ ПОМНИТ

В моем журналистском доселе есть визитная карточка на русском и английском языках мирового судьи сэра Николаса Чанса, личного секретаря Его Королевского высочества принца Майкла Кентского — прямого потомка последнего русского императора, его внучатого племянника. Прошлым летом принц Майкл заезжал в Ярославль с частным визитом.

Мы тогда рассказывали, как пробивались за интервью сквозь двойной заслон спецслужб, московской и Скотленд-Ярда. Редкостный гость понимал вопросы без переводчика, вполне самостоятельно отвечал на них. Русский язык принц выучил на курсах, когда заинтересовался своей родословной.

Разговорами о политике мы высокому гостю старались не докучать, но заинтересовались его оценкой факта, известного по письму великой княжны Ольги, найденному в 1918 году в Тобольске, приютившем царскую семью: подтверждает ли принц Майкл, что его расстрелянный большевиками дед простил своих врагов.

В ответ его высочество признался, что знает о том только понаслышке, однако это вовсе не мешает ему бывать в России каждый год, поддерживать благотворительные проекты, испытывая радость, «что находится здесь». Корни у его предков, напомнил, на Верхней Волге. Трижды бывал на родине Романовых в Костроме. Подарил Ипатьевскому монастырю колокол, отлитый на Ярославской земле, в древнем русском городе Романово-Борисоглебске.

Прощаясь у трапа, сэр Чанс от имени своего патрона просил, если потребует, звонить — «прямо к нам, в Кенсингтонский дворец» — подчеркнул ногтем номер телефона и факса на визитной карточке. Вспомнив об этом, мы перед 15 марта чуть было не последовали приглашению. Но вовремя спохватились. И денежки целее, и политкорректность будет соблюдена. Дата, пожалуй, не слишком подходящая для обмена приветствиями.

Юлиан НАДЕЖДИН.